

18+

Любовь Безбах

Шёпот ночного дождя

Любовь Безбах

Шёпот ночного дождя

«Издательские решения»

Безбах Л.

Шёпот ночного дождя / Л. Безбах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597624-6

Эпоха Карафуто — загадочный период истории Сахалина. Здесь переплелись судьбы нескольких народов. В течение сорока лет японцы выстроили на южной части острова независимую цивилизацию. Чем занимались эти люди, как жили, какие страсти кипели в их душах — об этом повествуют девять художественных рассказов. Сборник удостоен Всероссийской литературной премии им. В. К. Арсеньева «Дальний Восток». Иллюстрации на обложке и в тексте авторские.

ISBN 978-5-00-597624-6

© Безбах Л.

© Издательские решения

Содержание

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ИСАМИ	6
ШЁПОТ НОЧНОГО ДОЖДЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шёпот ночного дождя

Любовь Безбах

© Любовь Безбах, 2023

ISBN 978-5-0059-7624-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ИСАМИ

Ночь в открытом море – промозглая и долгая, особенно если сон не идёт. Исами промёрз до костей, притиснувшись спиной к металлическому борту «Фудо». Рядом съжились товарищи из батальона. Пулемётчикам повезло больше: они расположились в душном нутре транспорта. Поверхность моря подёрнулась белёсой дымкой, неплохо различимой в темноте. Позади во мгле остался маяк Крильон, разрывающий ночь вспышками с самой южной точки Сахалина.

Исами подышал на заочневшие пальцы. Вокруг дремали пехотинцы, обстрелянные ещё в Китае. Казалось, их совсем не волнует предстоящий бой. А он, Исами, ещё ни разу не участвовал в сражении, и потому почти не спал.

Вокруг транспорта светились бортовые огни множества кораблей, справа по борту чернела бесконечная полоса берега. Пехотинцы то и дело шевелились, разминая затёкшие конечности. Неподалёку от берега Исами при свете луны с трудом различил выступающую над водой верхнюю палубу затопленного судна с трубами и мачтой, удивился, толкнул соседа локтем.

– «Новик», – буркнул тот, а сам с интересом уставился на легендарный русский крейсер. Потом отвалился от борта и распылил рот в отчаянном зевке. Словно не будет сегодня никакого боя!

– Опасаться нечего, – проговорил сосед. – У русских всего четыре пушки в Пароантомари¹, да ещё парочка где-то недалеко от поста, вот и вся оборона.

¹ Пароантомари – ныне посёлок Первая Падь.

От Хоккайдо до Сахалина – рукой подать. Ещё вчера мимо тянулся японский берег, а ночью эскадра уже подходила к Корсаковскому посту – несмотря на то, что военные корабли не набирали полный ход, чтобы не оставить за кормой двенадцать транспортов-тихоходов. 24 июня 1905 года эскадра под командованием вице-адмирала Катаоки доставила к сахалинскому берегу 13-ю пехотную дивизию генерала Харагучи. Пятьдесят три корабля – по девять штук на каждую пушку «Новика»!

Берег закутался в туман. На мокрую палубу вышел командир батальона капитан Хиранума, построил пехотинцев в четыре шеренги и картинно простёр руку в сторону побережья.

– Перед нами раскинулся остров Карафуту² – наша, исконно японская земля, – заговорил он. – Триста лет назад здесь высаживались наши предки. Однако правители времен Токугавы не оценили остров по достоинству и позволили русским заявить на него права. Пришло время исправить эту ошибку. Мы должны вернуть Карафуту в собственность Японии. Мирные переговоры ни к чему не приведут, потому что русские считают остров своим. Убедим же их в своей правоте силой нашего непобедимого оружия! Будем вести переговоры на языке орудий и винтовок от имени лучезарного императора Мэйдзи! Будь Карафуту нашим, рис на полях не чах бы без удобрений, а наши семьи не жили бы впроголодь. Земли острова не обжиты, земля не вспахана, а Япония задыхается от перенаселения. Сейчас на острове ничтожно мало русских, так возьмём же его немедленно!

Исами слышал это множество раз, но, как и прежде, ощутил прилив гнева: русские заняли землю, которая испокон веков принадлежит японцам! Справедливость будет восстановлена! Его винтовка заговорит не тише остальных! Он, единственный сын Хатамото, вернётся домой героем!

Небо над прибрежным лесом затеплилось рассветом. Корсаковского поста не было видно за мысом. С транспортов начали спускать шлюпки с десантниками.

«Фудо» подобрался ближе к берегу. Первые десантные отряды уже бежали по суше, но Исами не различал их с транспорта. Капитан Хиранума приказал садиться в шлюпки. Сердце ухнуло вниз. Исами и думать забыл, как мёрз всю ночь напролет! В шлюпке он уселся на скамью, с двух сторон его плотно зажали товарищи, спина упёрлась в твердую бочину «виккерса»³. Ротный злым голосом отдал команду, и солдаты – вчерашние рыбаки – дружно взмахнули вёслами.

Первые четыре миноносца обогнули мыс. На берегу появились облачка дыма, потом донеслось основательное «Бум-м! Бум-м!» – и между миноносцами вздыбились опасные фонтаны. Корабли ответили беглым огнём. «Отступают! Наши корабли отступают!» – в замешательстве подумал Исами и крепче сжал холодный ствол винтовки.

Переживал он напрасно. С батареей «Новика» заговорили сразу одиннадцать миноносцев. Они двигались в кильватер, что позволяло накрывать огнём большую площадь на берегу.

Залп из пушек ближайшего крейсера заставил шлюпку вздрогнуть. Исами испугался, втянул голову в плечи. Опомился, глянул на товарищей: вдруг заметили? На него никто не смотрел. Волны от взрывов настигли шлюпку, и она заплясала. Пехотинцы крепче ухватились за мокрые борта.

Десант благополучно добрался до берега. Предвкушение первого боя стиснуло страхом и радостью сердце деревенского парня. Пехотинцы выпрыгивали из шлюпок и бежали к берегу. Ноги Исами в воде подкашивались, приходилось высоко вскидывать колени.

– Банзай! – закричал Хиранума, десантники подхватили боевой клич.

Остальные батальоны высаживались в разных местах и бежали по лесу к Корсаковскому посту.

² Карафуту – японское название острова Сахалин.

³ «Виккерс» – здесь: английский пулемет.

Было уже достаточно светло. Не слишком ориентируясь в происходящем, Исами стал карабкаться в сопку, придерживая на плече отяжелевшую «арисаку»⁴. Со стороны новиковской батареи летела шрапнель, косила десантников. Воздух пугающе «вжикал», от стволов деревьев отлетали куски.

– Банзай! – кричали десантники со всех сторон.

Исами не кричал. Трясаясь от страха, он упорно лез вверх, не думая, зачем он это делает. Дыхание сбилось в хрип. За деревьями падали товарищи по роте. Что вокруг происходит?! Нет, его не могут убить – ведь он единственный сын в семье! Кто тогда позаботится об отце и матери?

Где-то в стороне ниже по склону послышался знакомый голос ротного лейтенанта. Исами побежал в ту сторону. Дыхания не хватало, ноги отказывались повиноваться. Некоторое время он шёл шагом, потом опять побежал. Поддерживало присутствие товарищей, которые мелькали за стволами елей.

Шрапнель сюда не долетала. Исами догнал ротного, который вёл по лесу часть батальона.

Лейтенант вывел их к пустой пристани. В море цепочкой растянулась японская эскадра. Несколько крейсеров стояли в отдалении, извергая чёрный дым. Корабли обстреливали пост. Снаряды рвались на пустых улицах: напуганные жители попрятались. Деревянные дома горели.

Русский снаряд перелетел через сопки, покрытые лесом, и угодил точнёхонько в причал. Взрыв швырнул Исами на землю. Проехавшись юзом на животе, парень вскочил на ноги. Винтовка осталась при нём. Первое мгновение он ничего не соображал. Вокруг стояла гудящая тишина, на земле лежали товарищи, многие из них шевелились и беззвучно разевали рты. И ещё запах... Столько крови крестьянский сын отродясь не видел.

Оставшиеся бойцы бежали к Корсаковскому посту следом за лейтенантом.

Батарея «Новика» отправила через сопки следующий снаряд. Взрыв расшвырял десантников, как кукол. Вид разорванных человеческих тел был ужасен. Исами потряс головой, волосы у него стояли дыбом. Кепи куда-то делось. И тишина, будто голову битком набили горячим песком!

Сообразив, что может остаться один на развороченной пристани, Исами бросился догонять батальон. По дороге бездумно подобрал кепи. Оно оказалось маловато. Звуки боя внезапно ворвались в уши, словно лопнула толстая плёнка. Исами подосадовал, что бежит в числе последних, и прибавил шагу. Снова пришлось бежать вверх по склону, отчего в груди спёкся ком, а во рту появился привкус крови.

Эскадра продолжала обстреливать пост. Страшно гудела башенная артиллерия броненосцев, утюжа батарею на Пароантомари.

Улицы посёлка оказались узкими и затянутыми дымом – Корсаковский пост горел. Обстрел с моря прекратился: вероятно, моряки опасались расстрелять десантников. Из домов выскакивали люди и, воя от ужаса, бежали в сторону леса. Бойцы стреляли им в спины. С эскадры открыли шрапнельный огонь по сопкам, где спасались с детьми жители поста.

Лейтенант остановился и собрал вокруг себя десантников.

– Русский отряд скрылся в лесах, – сообщил он. – Батальону разделиться. Часть пойдёт со мной преследовать русских, часть будет тушить пожары.

Он разделил батальон коротким взмахом руки. Исами остался в «пожарной команде». Вместе с товарищами он вытаскивал из горящих изб скудное добро, выносил из магазинов уцелевшие товары. Тушить огонь было бесполезно: горел весь посёлок. Склады успели сгореть дотла – их явно подожгли русские войска при отступлении. Вокруг ревели пламя, было жарко, да ещё сильно болела голова. Товарищи вручили Исами лопату, велели копать канаву на границе пожаров, чтобы пламя не перекинулось в лес.

⁴ «Арисака» – магазинная японская винтовка.

Отсюда, с Корсаковской сопки, открывался хороший обзор. Рейд переполняли корабли Великой Японии. С северной стороны на побережье глухо звучали редкие выстрелы: два миноносца обстреливали русские орудия. Исами выпрямился, охватывая взглядом панораму с флотилией и горящим постом. В дурную, гудящую голову пришло понимание: это победа! Исами показалось, будто его приподняло над землёй.

Победа!

Вечером вернулись десантники, которые сражались в лесах с русским отрядом. Пехотинец по имени Морио, такой же новобранец, как Исами, сообщил ему:

– Русские сдались. Не похожи они на солдат. Военной формы нет. И никаких пулемётов тоже нет. Только старые однозарядные винтовки. Не то, что наши «арисаки»! Лейтенант сказал, что они на крестьян похожи, а не на солдат. Даже не на крестьян, а на бандитов. Бандиты они и есть.

Последнее Морио произнес с презрением.

– Не повезло мне, – неприязненно проговорил Исами.

Морио понял, утешил товарища:

– Наши батальоны погнали по лесу ещё один отряд. Говорят, очень большой и вооружён хорошо. Пулемёты у них точно есть. Так что мы ещё повоюем.

Пост догорал. Отстоять удалось только несколько построек. Исами удивлялся, какие у русских добротные дома – из брёвен, со стеклянными окнами.

Разожгли костры, варили рис в котлах. Интендант делил продукты, которые десантники успели вынести из магазинов и жилых домов. Исами с Морио попробовали русский хлеб. Не понравилось. Жёсткая, прогорклая мякоть вязла на зубах.

На следующий день солдаты под командованием офицеров разгружали транспорты. Артиллеристы выносили из трюмов крупновое оружие. Стучали копытами по настилам крепкие манчжурские лошади, отобранные у китайцев; чутко прядали ушами европейские тонконогие кони, принюхивались к незнакомому воздуху. Солдаты стаскивали на берег большие брикеты спрессованного сена, громоздкие ящики с американской тушёнкой и соками, коробки с фруктами, мешки с рисом, катушки телеграфных проводов. Говорили о том самом «большом отряде», с которым батальоны сейчас сражались где-то в лесах. Фамилию командира назвали – длинную, не выговоришь: Гротто-Слепиковский. Сколько в том отряде человек, никто не знает, но капитан Хиранума утверждал, что много.

Постепенно обустроивались. Исами с раннего утра до поздней ночи строил казармы в гарнизоне. Новые бараки вкусно пахли свежим деревом – длинные, узкие, с небольшими окнами и высокой несимметричной крышей. Солдаты по приказу командиров занимались ремонтом уцелевших построек. В доме смотрителя поста обосновался штаб.

Небо затянула пелена, но дождя не было, только моросило время от времени. Невидимая морось пропитала влагой весь гарнизон, постиранная одежда не высыхала. Исами по ночам мёрз в новой казарме, кутаясь в сырое одеяло, но не жаловался, как и его товарищи. Всё чаще проскакивало в разговорах новое название Корсаковского поста: Отомари.

На третий день пелена в небе растворилась, засияло солнце, и сразу стало жарко.

Гарнизон сильно беспокоили партизанские отряды. Роты пехотинцев уходили в леса, воевали с ними. Исами, как и остальные новобранцы, в боях не участвовал, и переживал, что так и не сможет постоять за честь Японии. Будет ли отец гордиться им, станут ли уважать односельчане?!

В середине июля из тайги вернулись отряды с известием: отряд Гротто-Слепиковского окопался на озере Тунайча, на северо-востоке от поста.

19 июля полубатальон под командованием лейтенанта Хиранумы послали к лагерю русских. Исами обрадовался: наконец он сможет по-настоящему проявить себя в бою! Радость, однако, мешалась со страхом: ещё не забылся свист пуль и тошнотворный запах крови.

Шли весь день. Заночевали неподалеку от озера, не зажигая костров – рассчитывали на внезапность. Земля, хоть и не холодная, вытягивала тепло из костей, и Исами мёрз, пряча от комаров искусанные лицо и руки, тоскливо думая о подрастающих сестрёнках и о большом поле, на котором родители гнут без него натруженные спины. Он вернётся, женится на соседской девушке и приведёт её в дом, пожилой отец выдаст замуж дочек, а он, Исами, станет всему опорой. Думал о шрапнели, о страшных взрывах, и о том, что иной раз остаётся от людей, и что утром его снова ждёт ужас боя...

Рано утром атаковали. Исами побежал вместе со всеми. Замелькала под ногами трава, захрустел богатый кедровый стланик.

Русские встретили огнём из пулемёта. Смертоносное «та-та-та» заполнило всё пространство. Исами захлебнулся знакомым страхом.

– Банза-а-ай! – кричал он, стараясь перекрыть страшный звук, но пулемёт все равно стучал громче. Товарищи вокруг валились на землю. До земляного вала осталось не так уж много. Отовсюду стреляли. От страха в голове снова помутилось. Исами увидел, что бойцы впереди поворачивают и бегут назад с искажёнными лицами. Ротный тоже бежал обратно и призывно махал рукой: отходим!

Укрывшись за стволами деревьев, солдаты стреляли по русским укреплениям, но из-за расстояния результаты обстрела были скромные.

Лес принял пехотинцев тишиной. Исами встряхнул головой: не оглох ли снова? Вроде нет. Хиранума произвёл перекличку. Не досчитались двух десятков человек.

– В атаку мы ходили не зря, – подытожил он. – Мы почти всех русских перебили в окопах с левого фланга. Если б не пулемёт на втором ярусе...

Бойцы шумно обсуждали подробности атаки, громко хохотали. Исами был поражён: как можно смеяться после такого кошмара? А потом его самого сразил безудержный хохот. Товарищи что-то рассказывали, он не вдумывался в слова, просто хохотал и не мог остановиться.

Смех постепенно смолк. Вспоминали погибших, проклинали русских. Правое плечо Исами болело – видать, приклад набил приличный синяк.

– Их там тысячи три окопалось, отборные войска, – авторитетно заявил Морио.

– Какие там три тысячи? Человек пятьсот, не больше, – возразил опытный солдат. – А что отборные войска, это верно. Кто же думал, что они тут земляную крепость соорудят?

После обеда Хиранума отправил несколько человек на доразведку. Исами влез на кряжистую берёзу, чтобы осмотреть лагерь сверху, скрупулёзно подсчитал палатки и шалаши. Часть палаток наверняка скрывается в прибрежном ивняке. Были видны и люди. Одеты они и впрямь не по-военному. Во время атаки Исами от страха ничего толком не разглядел, и уж тем более, во что там они одеты. Русские понарыли окопов в несколько рядов, насыпали валы. И в самом деле – земляная крепость!

Негромко, с ленцой, шелестели листья берёзы, старательно высвистывала незамысловатую песенку невидимая птичка. В небе парил белохвостый орлан, раскинув крылья, широкие, как полотенца. Вдали виднелся противоположный берег озера со стеной леса. Дальше, за лесом, раскинулось море, но Исами не видел его даже сверху.

Не один он догадался залезть на дерево, и русские их увидели, стали стрелять. Расстояние было большое, но шальную пулю со счетов не сбросишь. Пули на излёте сбивали вокруг Исами листья. Парень спустился на землю так быстро, как только мог.

Выслушав доклады разведчиков, Хиранума решил, что в русском лагере укрылось вовсе не три тысячи солдат, а шестьсот, если не меньше⁵.

⁵ На самом деле отряд штабс-капитана Гротто-Слепиковского насчитывал всего 178 человек.

На самом деле отряд Гротто-Слепиковского насчитывал меньше двухсот дружинников-добровольцев, а на вооружении имел в основном берданки, стрелявшие дымным порохом. Японцы об этом даже не догадывались.

– Наши войска должны продвигаться на север острова, – заявил бойцам Хиранума. – Но сначала необходимо уничтожить этот отряд. Такого врага в тылу оставлять нельзя. Без поддержки с моря мы его не возьмём.

Полубатальон вернулся в гарнизон.

Погода снова стала портиться. Гарнизон затянуло туманом, который и не думал рассеиваться, слоистые тучи обволокли склоны сопок, по утрам моросило. В бараках снова всё отсырело.

Дней через пять в батальоне заговорили, что генерал Харагучи запросил поддержку у вице-адмирала Катаоки. Всё это время русскую крепость стерегли пехотинцы, то и дело завывая перестрелку.

27 июля батальон Хиранумы подошёл к русскому лагерю. На озере уже стояли паровые баркасы, еле видные с такого расстояния. Лейтенант сообщил, что рядом в море находится броненосный крейсер «Адзума». Артиллеристы разделили батарею пополам и установили с обеих сторон от земляной крепости.

– Всё! Теперь русским точно не поздоровится! – радовался Морио.

Вид батареи и в самом деле внушал уверенность.

Исами вконец переволновался и думал, что опять не будет спать всю ночь. Но он спал, и очень крепко. Морио с трудом растолкал его и бесшумно высмеял.

Было ещё серо, лес потонул в тумане. Батальон вышел к опушке, где дремучие, разлапистые ели сменялись шиповником с крупными, как дикие яблочки, ягодами, да крапивой в полтора человеческих роста.

Исами промок от росы. По опыту он уже знал: обильная роса на Карафуте вовсе не предвещает солнечный день.

Туман понемногу рассеивался, но озеро и лагерь просматривались очень плохо. Над лесом нависли тучи, едва не касаясь серыми брюхами верхушек лиственниц.

И вдруг тишина раскололась. Артиллерия загрохотала так, что с деревьев посыпались листья. Исами упал, зажимая уши. Ему казалось, будто от грохота мышцы отделяются от костей. В небо взметнулась стая ворон. Первые мгновенья Исами только моргал и ловил ртом воздух. Потом притерпелся к вою и грохоту и осторожно огляделся: на ногах никто не удержался, все лежали.

Опасности как будто не было. Бойцы, однако, вставать не торопились. Хиранума показал знаками: лежать и ждать.

Туман мешал артиллеристам вести прицельный огонь. Исами смотрел, как шрапнель сбивает растительность перед оборонительными сооружениями, а заодно и на сто метров вокруг.

Немного позже, когда видимость прояснилась, а бойцы оглохли окончательно, артиллеристы повели огонь на поражение. Вот тогда Хиранума поднял батальон в атаку.

Исами бежал и стрелял, ничего не соображая от страха. Бежал, потому что бежали товарищи. Над головой с воем летели раскалённые снаряды, взрывались в лагере русских. Вокруг и под ногами взлетали фонтанчики земли.

Атака захлебнулась. Хиранума, видя большие потери, отвёл батальон к опушке. Японская батарея огня не прекращала. Исами, чуть-чуть придя в себя, бросил взгляд на озеро. Русский лагерь заволокло дымом пополам с туманом. К бастиону приблизились баркасы, копя брюхастые тучи чёрным дымом из труб. «Сейчас дадим русским жару!» – обрадовался Исами. Рано радовался: русские начали обстреливать суда с редута, и те остановились, отвечая огнём из скорострельных пушек.

В течение получаса поднялся юго-западный бриз и разогнал остатки тумана. Баркасы подошли вплотную к берегу и теперь обстреливали лагерь. Ещё с двух сторон давили огнём батареи.

Батальон снова пошёл в атаку. Путь до крепости русских показался Исами длиннее всей его жизни. С криком «банзай!» он запрыгнул в окоп.

Никого там не было: русские отсюда ушли.

Огонь с трёх сторон прекратился, однако в ушах по-прежнему гудело. Хиранума махал рукой: не стрелять! Оказывается, русские выбросили белый флаг.

Весь лагерь был разворочен взрывами, воронки наслаивались одна на другую. Несколько человек в этом аду сумели остаться в живых. Героев русского отряда Исами увидел только издали: их уводили прочь. Среди них – удивительно! – были женщины. В земляной крепости удалось найти один-единственный пулемёт. Больше пулемётов в партизанском отряде не нашлось.

Офицеры стояли рядом с погибшим русским воином. Хиранума построил батальон и торжественно произнес:

– Этот воин – командир русского отряда Гротто-Слепиковский. Он сражался и погиб как герой. Воздадим ему.

Исами, одуревший от боя, почувствовал почтение к храброму командиру врагов. Он поднял «арисаку», так же, как и остальные пехотинцы, и выстрелил, отдавая дань уважения Настоящему Солдату.

Морио куда-то запропастился. Он потом нашёлся, этот Морио. Исами наткнулся на него, когда вместе с товарищами подбирал убитых и раненых. Гибель приятеля наполнила вкус победы болью и горечью. Теперь он по-настоящему возненавидел русских и позлорадничал, узнав, что сдавшихся в плен расстреляли вместе с женщинами, как бандитов.

Хотелось погулять по берегу озера, успокоиться, но не удалось: командиры повели батальоны в гарнизон.

В боевой крепости сдались не все ополченцы, часть их скрылась в тайге.

Русские бродили по лесу недолго. На третий день полубатальон под командой Хиранумы окружил остатки отряда. Завязалась перестрелка.

Исами не понял, что произошло, когда земля вдруг вырвалась из-под ног и перевернулась. Подняться не удалось – кипящая боль выплеснулась из груди и затопила всё тело. Даже теперь Исами и подумать не мог, что может погибнуть. Он – единственный сын в семье, опора отцу и матери, и он должен вернуться домой.

А жизнь уходила вместе с кровью, толчками бьющей из раны в груди. Молодой японец, наконец, понял, что умирает – почётной смертью героя, во славу боевой мощи родного государства.

Священный долг перед Отечеством выполнен. Последний выдох крестьянина-солдата бережно подхватил ветер Камикадзе и понёс вместе с шелестом листьев – всё выше, выше...

ШЁПОТ НОЧНОГО ДОЖДЯ

Несчастье и счастье переплетаются, как волокна в верёвке.

Японская пословица.

Удачлив предприниматель Хаттори Кичиро! Он раскинул сеть торговых точек в Отомари, Тоёхаре, Маоке⁶ и по их окрестностям. Иностранцы пытались торговать в Японии всем подряд, наугад выбирая то, что пользуется спросом, Хаттори же прицельно вёз товары, которые заведомо раскупят соотечественники. Новый год он встретил в США. Ездил не впустую, привёз добротные, качественные, красивые вещи, которые пробуждали живой интерес покупателей и быстро разбирались.

Расчётливый торговец искал и другие источники дохода. Он примеривался, что бы такого вывезти с Карафуту для продажи за границей. Разумеется, самым беспронижимым товаром были меха соболей, добытых айнами и гиляками...

* * *

⁶ Отомари, Тоёхара, Маока – ныне города Корсаков, Южно-Сахалинск, Холмск.

Лесной ручей бойко нёс хрустальные струи по аспидно-чёрным ступенькам. Киёмидзу Шима покопался в грунте неподалёку от ручья – угольные пласты выходили на поверхность и здесь. Исследователь отколол кусок угля, полюбовался на масляно-чёрный, увесистый камешек. «Неужели антрацит? Анализ покажет», – подумал Шима, снял со спины мешок и старательно запаковал образец, радуясь находке. Первая в 1907 году экспедиция оказалась на редкость удачной.

Отряд ушёл вперёд, а Шима всё медлил, ходил рядом с ручьем, копал и всюду находил чёрную, лоснящуюся породу.

Тайга темна даже в начале июня – дремучие, заросшие бородой лишайников ели укрывают сопки от солнечного света. Оставаться здесь одному опасно, можно повстречаться с медведем. Хозяева тайги на острове громадные и гостей не любят, так что пора догонять отряд.

Шима не боялся отбиться, следы экспедиции отыщутся без труда. Он снова вышел к ручью. Левый бережок совсем зарос, пришлось перебраться на другую сторону. Над головой возвышался сыпучий обрыв, напрочь загородивший солнце. Слагающие породы опрокинули слои почти вертикально. Здесь стоял холод, словно в гигантском подполе; кое-где мутно белели полосы слежавшегося снега. Шима прыгал с камня на камень, примечая чуть заметные следы ушедшего вперёд отряда.

Над головой послышался шорох. Шима глянул вверх и остолбенел: прямо на него по отвесному склону катился медвежонок. «Убьётся», – сгоряча подумал исследователь и подставил руки. И, только приняв тяжёлый меховой куль, вспомнил, что медвежата по тайге одни не ходят.

Сверху по склону с шуршанием и грохотом посыпались камни. Бросив медвежонка, Шима одним прыжком преодолел ручей и понёсся по буеракам сломя голову. Бежал он недолго, споткнулся, выскочил на открытое пространство и покатился вниз не хуже того медвежонка. Пока летел, приложился головой об камень, да так, что из правого глаза голубая искра выскочила.

Исследователь рухнул в большой куст шиповника, который, жиганув по лицу и рукам, немного задержал падение. Лёгкие, казалось, смяло ударом. Некоторое время Шима лежал плашмя, судорожно пытаясь вдохнуть воздух. Кое-как отдышавшись, он хотел встать, но тут боль выстрелила в бок, в руку, ещё и закружилась голова. Исследователь освободился от мешка за плечами, с трудом поднялся и осторожно отряхнул одежду. Удивляясь, почему глаза плохо открываются, Шима провёл ладонью по лицу и обнаружил, что весь в крови. «Надо вернуться к ручью», – с тревогой подумал он, оглядел склон, с которого скатился и удивлённо ухнул. «Не забраться. Придётся обходить».

Шима долго брёл сквозь буреломный лес, пока, наконец, не вышел к ручью. Осторожно наклонившись к игривым струям, он, шипя от боли, смыл кровь с исцарапанного лица и прополоскал рот. Потом снял куртку, подтянул широкий рукав дзюбана и осмотрел отёкшее предплечье. Задрав край рубахи, он увидел огромное иссиня-чёрное пятно на боку с багровыми кровоподтеками по краям, решил не трогать его и показать медику в отряде. Превозмогая тошноту, Шима наклонился, опустил предплечье в ледяную воду и стоял до тех пор, пока от холода зубы трещать не начали. Разогнуться оказалось не так-то просто: голова закружилась пуще прежнего.

Надо было поскорее отыскать следы отряда. Сориентировавшись, Шима подумал, что находится выше по течению от места, где упал медвежонок, но человеческих следов не нашёл. Обогнать своих он не мог. «Неужели я заплутал и вышел ниже по течению?» Подумав так, он довольно долго поднимался по ручью, но следов всё не было. Стало ясно, что ручей не тот, хотя по виду ничем не отличается. Стало не по себе. Придётся возвращаться назад по собственным следам, чтобы не заблудиться.

Уже вечерело, когда Шима добрался до подножия склона, с которого скатился. Исследователь задрал голову и посмотрел наверх, но тут его понесло в сторону, и, чтобы не упасть, он обнял шершавый ствол каменной березы. «Придётся опять обходить и искать собственные следы», – мрачно подумал Шима, оторвался от берёзы, поправил мешок на спине и побрёл в обход.

Следы всё не находились. Заросли тонули в зловещей полутьме. Пришлось остановиться и готовиться на ночлег. Шима с облегчением сбросил мешок и напился воды, затем с величайшим трудом порубил упавшее сухое деревце, заросшее серым лишайником, сложил небольшой костер, насовал в огонь сырых веток и прошлогодней травы, чтоб дымило – может, свои заметят! Есть не хотелось, тошнило. Вскрыв банку с тушенкой, Шима все же немного подкрепился. Дрожа от холода, он улёгся на подстеленное одеяло спиной к костру и свернулся калачиком.

Утром стало хуже. Тошнота не проходила, в голове пульсировало. Попытка встать на ноги окончилась падением. Охнув от резкой боли в боку, Шима уселся на земле. Тело сотрясала крупная дрожь, то ли от холода, то ли от слабости. «Лучше сидеть и ждать, когда меня найдут: я же, пока бежал, просеку оставил! – решил исследователь. – Сейчас разведу костёр с дымом». Он приподнялся и тут же свалился на землю, скорчившись от боли. Отогнав приступ отчаяния, Шима пополз в сторону порубленных вчера дров. И вдруг почувствовал чужое присутствие. «Непохоже, что это кто-то из наших, он бы шум поднял. Неужели медведь?!» Шима, лежа на земле, осторожно оглянулся. Рядом с лиственницей стоял айн в грубой одежде и меховых сапогах. Тёмные волосы косматой гривой спускались ниже плеч, длинная борода, усы и кустистые брови почти скрывали лицо. За спиной лесного жителя возвышался лук в человеческий рост.

– Тебя ищут твои люди, – произнёс айн по-японски.

– Да уж знаю, – неприязненно ответил Шима, даже и не думая просить помощи.

Айн покачал головой, подошёл и, пытаясь, поставил исследователя на ноги. Перед глазами бешено завертелись лиственницы с елями.

– Совсем плохой, – сделал вывод айн, взвалил беднягу на плечо и понёс прочь, прихватив и походный мешок.

Шима то и дело проваливался в нездоровый полусон и потому не заметил, сколько времени айн тащил его через сопки. Шима очнулся от новой боли: жёсткие руки шамана бесцеремонно ощупывали его бок и плечо. Исследователь облился липким потом и заскрипел зубами. Местный врачеватель промыл ободранную кожу на лице и руках и облепил царапины тонкой корой. Пациент беспокойно заёрзал на лежанке, поэтому шаман объяснил:

– Анекани.

Исследователь знал, что такое анекани – это скоблёная древесина красной смородины.

К шаману пожаловали двое молодых парней. Они подняли лежанку вместе с Шимой и перенесли в другой дом – бревенчатый, похожий на русский. В доме стояла настоящая железная печка. Хозяин представился старейшиной котана – айнского поселения, а звали его Сирикоро.

– Поправишься – проводим тебя до ближайшего селения японцев. А пока будешь жить в моем доме, произнёс он.

Еду принесла девушка, одетая в простое кимоно. Даже в полумраке Шима разглядел, что она красива. Даже очень. Она хотела покормить его, но Шима оттолкнул её руку и сам взял глиняную миску с палочками.

– Ты кто? – спросил он, рассматривая необычные черты лица, похожие на европейские: узкий прямой нос, распахнутые глаза, брови взлёт, как крылья чайки. Айнские женщины красивы, но чтоб настолько...

Девушка смутилась прямого взгляда.

– Меня зовут Турешмат. Я дочь старейшины, – ответила она, усмехнулась и ушла, сохранив достойный вид.

Шиму не устраивало предложение старейшины идти в какое-то японское селение. Надо было поскорее набраться сил и найти исследовательский отряд, который наверняка его ещё ищет. Вероятно, поиски скоро бросят, сочтя их бесплодными.

Расчёт покинуть котан в ближайшее время не оправдался. Голова день за днём болела и кружилась, тошнота не проходила. Стоило приподняться, становилось и вовсе невмоготу. Шима чувствовал неприязнь хозяина, но ничего не мог сделать. Гостеприимство Сирикоро объяснялось просто: старейшина нёс ответственность за жителей котана и не собирался обострять отношения с японскими властями.

Турешмат носила от шамана терпкие отвары. Шима заигрывал с ней, ловил то за руку, то за длинную косу. Она посмеивалась, но вольностей не позволяла. Айнка немного знала японский, говорила на нём с трудом, лучше понимала. Шима беседовал с ней на айнском, заставляя отвечать по-японски. Пахло от красавицы черемшой, как, впрочем, и от Шимы.

– Почему тебя вчера весь день не было?

– Заметил? – усмехалась Турешмат. – Собирала лопух. Забыл, чем ты ужинал?

– Стеблями лопуха? Вкусно. А почему вы едите только рыбу?

– Мы едим не только рыбу. Мясо тоже.

– И где же мясо?

– По лесу бегает, – смеялась Турешмат. – Оленя бить ещё рано. Тощий, и мех у него плохой. И потомство ещё не дал. Осенью будет оленина.

– А медвежатина?

– Медведей отец велел не трогать. Мало их в этом году.

– А жених у тебя есть?

Турешмат в ответ только смеялась негромко.

– Смешная! – говорил Шима и думал с досадой, что сам смешон, лёжа перед ней беспомощным. И сам для себя решил, что беседует с красавицей от скуки.

По вечерам Турешмат вместе с сёстрами пряла нитки из крапивы, ткала на добротном самодельном станке, шила. Мать плела циновки из травы. Сирикоро приходил домой только ночевать. Шима удивлялся, наблюдая, как ужинает отец семейства. Еду он брал деревянными палочками с тонким орнаментом, Турешмат называла их икуниси. Роскошные усы и борода мешали айну кушать. Он приподнимал усы специальной палочкой и клал еду в рот.

Приходилось сдерживать невольный смех.

Четыре дня спустя Шима поднялся на нетвёрдые ноги и вышел наружу. Он увидел шесть внушительных домов, похожих на хорошие стога с крышами, длиной метров по семь-восемь. Рядом текла река. На берегу стояли деревянные каркасы с натянутыми рыболовными сетями из крапивных волокон. Женщины чинили невод, и среди них – Турешмат. Шима нечаянно встретился с ней взглядом, оба торопливо отвели глаза. Некоторые женщины носили татуировку вокруг рта. Издалека казалось, будто они всегда улыбаются – широко-широко, на всё лицо.

На камнях у воды лежали две перевернутые лодки-долблёнки. По берегу бродили айнские собаки, подозрительно похожие на волков, крупные, сутулые, с недобрый взглядом исподлобья. Невольно вспомнилась легенда о волке – предке айнов, которую рассказала Турешмат. Обернувшись, Шима увидел клетки, в которых сушилась рыба и отдельно – разные травы. Значит, лосось уже пошёл.

Шима приблизился к реке и осторожно нагнулся, всматриваясь. Под водой скользило множество быстрых, юрких тел. Это шёл первый лосось – сима. Шима шалости ради подобрал кость и бросил в реку. Тени метнулись в разные стороны, затем понеслись вверх по течению.

Женщины дружно повернулись к нему.

– Ой! – сердито крикнула Турешмат. – Нельзя!

– Что нельзя? – удивился Шима.

– Нельзя осквернять реку! Это грех, – промолвила одна из женщин. – Камуи⁷ всё видит. Навлечёшь кару на себя и на нас тоже.

Двое мужчин перевернули лодки и спустили на воду, ещё двое сняли с каркаса невод. Все четверо отчалили на лодках, отталкиваясь от дна шестами, и натянули меж лодок сеть. Несколько толчков – и артель скрылась за поворотом.

Шима прошёл мимо домов и на окраине увидел... огород. «Странно, – удивился исследователь. – Айнам несвойственно земледелие. Никак, русские научили. Что тут? Так и есть, картошка. Лук, чеснок, больше зелени нет. Капуста, морковка. Значит, айны носят японские кимоно и выращивают русскую картошку. Забавно». Ноги подкашивались. Шима добрёл до жилища старейшины и уселся на бревно, привалившись спиной к соломенной стене.

Лодки вернулись полные рыбы. Женщины потрошили её и вешали в клетки. Тонко пищали комары. Шима наблюдал за стройной, осанистой фигурой дочки старейшины. «Пройдёт несколько лет, и станет она такой же измождённой, как её соплеменницы. Уйдёт красота, будто её и не было», – думал он с досадой.

Ночью не спалось, сильно мешала близость Турешмат. «Надо уходить, – думал Шима. – Надо. Пора. Завтра скажу старейшине. Отряд должен работать где-то в этом районе. Айны наверняка знают, где именно». А мысли упорно возвращались к девушке, красивой, гордой, работающей. «Почему она не японка, почему? – изводился Шима. – Завтра же уйду. Сил больше нет... рядом с ней».

Утром решение пришлось отложить ещё на день: Шима чувствовал, что ещё не набрался сил для броска через сопки, покрытые тайгой. Он направился вверх по течению, заново привыкая к ходьбе, заставляя обленившиеся мышцы работать, готовя их к завтрашнему походу. Река, споро несущая желтоватые воды по каменистому руслу, стала ещё беспокойней. Поверхность словно вскипала, мелькали мокрые рыбы спины, пробуждая в Шиме охотничий инстинкт.

Выше по течению в реку впадал ручей. Лососёвый поток разделялся. Часть плыла дальше, часть заворачивала в приток. Вода в нём бурлила, как в котле, настолько плотно шёл лосось. Рыба теснилась, задыхалась, выпрыгивала из воды, ручей выплескивался из берегов. Шима разулся, кое-как преодолел приток, смеясь от сильных рыбьих тычков, и снова пошёл вдоль основного русла.

Дальше лосося встречали пороги. Рыбины запрыгивали на ступени, бились о камни до крови, падали обратно и прыгали снова и снова. Наверху поджидали новые препятствия – отмели, заваленные булыжниками. Вода в ручье широко разлилась и бежала между камней. Рыбины, извиваясь, ползли по камням, друг по другу, добирались до воды и, избитые, устремлялись дальше.

По пути повстречались айны, которые устанавливали на ручье ловушку ураи. Каменная загородка сужалась и заканчивалась плетёной мордой. Когда ураи набилась симой, рыбаки сняли морду и освободили ручей.

– Не ходи в одиночку, на реке сейчас полно медведей, – предупредили мужчины.

Шима не слишком опасался медведей во время нереста, но предупреждению внял и в котан вернулся вместе с айнами. Все в селении от мала до велика занимались разделыванием рыбы. Сытые собаки дрыхли на солнцепеке. Шима, окружённый людьми, остро страдал от одиночества.

Вечером он объявил старейшине о своём решении покинуть котан. Сирикоро даже не скрыл блеснувшую в глазах радость.

– Мои люди проводят тебя до японского селения.

⁷ Камуи – сверхъестественное существо, божество в мифологии айнов.

- Я должен вернуться в отряд. Он работает где-то поблизости, верно?
- Твой отряд во владениях другого утара⁸. Это далеко, а ты ещё слаб.
- Не настолько, чтобы не дойти туда, куда мне надо, – надменно произнёс Шима.
- Дело твоё. Люди проводят тебя до того котана, там договоришься.

Весь вечер Турешмат не смотрела в его сторону. Шима против воли нервничал и желал, чтобы скорее наступило утро.

И утро наступило, иначе и быть не могло. Сирикоро, как и обещал, дал в провожатые трёх мужчин. Турешмат не показалась, попрощаться с ней не удалось. «Да и как бы она со мной прощалась?» – злился Шима, глядя на высокую фигуру старейшины. Поблагодарить айна за гостеприимство и помощь, поклониться ему, как старшему, Шима и не подумал.

Сирикоро мрачно смотрел, как высокомерный молодой японец удаляется в лес в сопровождении айнов. Потом старейшина вернулся в дом и уселся за низкий столик. Жена поняла, налила в японскую белую чашку рисовой водки, подала палочки икуниси. Старейшина пробормотал молитвы, макнул икуниси в сакэ и смахнул капли в сторону, макнул ещё раз – смахнул в другую, и так на четыре стороны. Просил айн хозяев земли, гор, воды и неба побережь японского юношу и не наказывать за невежливость. Закончив ритуал, Сирикоро, придерживая усы палочкой, выпил сакэ.

– Вот так, – произнёс он, обращаясь к старшей дочери, не смевшей поднять голову за ткацким станком. – А ты сиди себе, девка. Не ровня. Тебе он не ровня, поняла? Ты – дочь старейшины, а он всего лишь японец.

Над влажной, блестящей тайгой вставало солнце, и чудился в солнечном диске гордый лик Турешмат. «Больше сюда экспедицию не пошлют, – думал Шима, шагая по чуть заметной тропинке следом за айнами. – Даже если пошлют – не приду сюда. Отдадут её замуж, и нечего смотреть. И жить она будет не здесь, а в другом котане. Детей нарожает...» Не хотел Шима думать об айнской девушке, но мысли о ней упрямо лезли в голову, не отогнать. «Отдадут замуж, нарожает...» Ревность, играя, хватала парня за сердце, и болело оно куда сильнее, чем отбитый бок.

* * *

Пасмурный ноябрьский день свободно гулял по лесу холодным ветром, обдирая последнюю листву, обтрясал хвою с рыжих лиственниц. В воздухе порхали сиротливые мелкие снежинки. В котане царило оживление. Хаттори Кичиро придирчиво рассматривал соболиные шкурки – жемчужные, сапфировые, серебристые, вертя их на все лады. Его помощники деловито рылись в мехах, разложенных айнами на брёвнах. Хаттори отыскал в бледно-розовой шкурке чуть заметную потёртость, отложил и взял другую, цвета кофе с молоком. Эту портила проседь. Более ценные тёмные шкурки тоже были, но мех казался грубоватым.

Лучшие меха перекупщики разбирают ещё весной, чтобы выставить на сезонные аукционы. Хаттори решил за бесценок забрать у айнов остатки с предыдущих торгов и предложить в Штатах на декабрьском пушном аукционе. Цены будут совсем не те, что весной, но без наvara всё равно не останешься.

– Одно позорище! В русских городах бездомные кошки – и те роскошней. Хоромы свои подметаю ими, – Хаттори брезгливо отодвинул шкурки прочь.

Сирикоро покосился на ружья, разложенные японцами на бревне рядом с пушницей. В ящике покоились боеприпасы, необходимые охотникам. На другом бревне лежали топоры с американскими клеймами, прочные неводы, упаковки с табаком, изящные деревянные гребни и дешёвая бижутерия. Невдалеке топтались привязанные плотные лошадки с мохнатыми бабками, навьюченные мешками с мукой и консервами.

⁸ Утар на айном языке – группа людей, живущая в одном посёлке.

– Убирай хвосты, показывай головки⁹, – велел Хаттори.

– Где хвосты? – ответил Сирикоро. – Хвосты вон лежат, я и не спорю, что это хвосты. На подклад сгодятся. А это – головки.

Старейшина потряс связкой шкурки. Рыжеватый мех аппетитно отливал мёдом.

– Это – головки? – вдохновенно возмущился Хаттори. – Старуху свою наряжай этой дохлятиной, ровным счётом ничего не потеряешь. Если продавец искусен в похвалах, значит, плох товар¹⁰ Я же знаю, есть у тебя товар получше, иначе ты бы не стал срамиться и устраивать торги, завидев меня ещё на горизонте.

Сирикоро не хотел продавать лучшие меха, которые остались после весенних торгов для нужд утара, но айны нуждались в патронах и муке. Помявшись, он вынес из дома припрятанные шкурки. Хаттори требовательно протянул руку. Шкурки были сняты с крупных животных. Длинный мех шоколадного цвета мягко струился под пальцами торговца. Хаттори ухватил другую шкурку, смолянисто-чёрную, с голубым подшёрстком, с благородной проседью вдоль спины. Среди соболей пламенели червонным золотом и две лисицы.

Пока торговались за каждую шкурку, Хаттори цепким взглядом рассматривал старшую дочь старейшины, которая вышла покормить собак. Мощные зверюги вертелись вокруг неё и толкали сильными боками. Турешмат выпрямилась и вскинула подбородок. «Какая стать! – подумал торговец. – Не будь она айнкой, я бы решил, что она благородных кровей. Такую красоту нечасто встретишь. Её бы умыть, приодеть, да выщипать брови, и с ней можно показаться в хорошем обществе...» Хаттори проследил, в какой дом ушла девушка. «Значит, она дочь Сирикоро. Хорошо».

Торги окончились, когда начало темнеть. Торговцы сняли с лошадей несколько мешков с провизией, а непроданные ружья увязали обратно. В котане осталось пол-ящика патронов, новый топор и несколько украшений для женщин. Такова была стоимость мехов, на которых Хаттори в Штатах неплохо прогреет руки. Торговец велел отогнать лошадей в ближайшую деревню, а верховым остаться и ждать на улице вместе с его лошадьёю. А сам, прихватив мешок, направился в дом старейшины.

Сирикоро любезно принял гостя, пригласив его за низенький столик. Жена поставила угощения: копчёную рыбу, рис, морской виноград. Турешмат при лучине сучила пряжу. Хаттори ещё раз оценил её красоту при слабом неровном свете и вытащил из мешка бутылку с русским самогоном.

– Я доволен торгами, – произнёс он. – Мы оба не остались внакладе. Весной наведаюсь снова. Где чашки? О, японские? Откуда?

– Подарили ваши соплеменники. Давно, ещё до заключения Портсмутского соглашения, – невозмутимо ответил старейшина.

– Мои соплеменники, я смотрю, много чего вам подарили. Верно ли, что при нас, японцах, порядка больше?

– Верно, – важно кивнул Сирикоро, которого ни русские, ни японские порядки не устраивали.

Пришлые люди вели себя, как хозяева. И те, и другие расхаживали по земле, издревле принадлежащей его утару, били зверя, ловили рыбу, валили деревья, не спрашивая разрешения старейшины. И никакого к нему, вождю, почтения. Русские не задавались вопросом, можно ли столько зверя бить зараз, а японцы на земле соседнего утара и вовсе построили свою деревню и распахали землю, согнав с неё зверье.

⁹ Шкурки наилучшего качества называются «головки», худшего – «хвосты».

¹⁰ Японская пословица.

– Порядок будет везде. Настроим городов, будут у нас больницы и школы, дороги всюду. Ты когда-нибудь поезд видел? А вот как проложим рельсы через твой котан, так увидишь... Шучу я. Давай-ка выпьем за удачную сделку.

Сирикоро сбрызнул палочкой самогон на четыре стороны, задабривая духов, потом выпил. Ох, и крепок, гораздо крепче рисовой водки! Сирикоро крякнул.

– Вот так-то лучше, – одобрил торговец.

Хозяйка сунулась было налить ещё, но Хаттори отогнал её.

– Пусть лучше твоя дочка поухаживает. Да не эта, а вон та, которая нитки сучит.

– Не положено ей, – буркнул старейшина.

– Налить японцу самогону – не положено? – удивился торговец. – Эй, красавица, налей-ка отцу и гостю.

Турешмат бросила настороженный взгляд на отца, тот кивнул. С японцами лучше не ссориться. Девушка подняла тяжёлую бутылку и разлила самогон по чашкам, хотя чашка гостя была почти полной.

– Как зовут?

– Турешмат, – ответила дочь старосты.

– Красивое имя. И голос у тебя необычный, низкий. Пойдёшь за меня замуж?

Турешмат молча отвернулась и ушла к своим ниткам.

– Ладно, шучу я. Хотя не совсем. Выйти замуж за японца – это честь. И родить от японца – тоже честь. Что мрачный такой, Сирикоро? Что заботит? Я вот вижу, огород у вас распаханый. Картошку сажали, да? А зачем сажали?

– Как зачем? Чтоб зимой было что кушать утару, – резонно ответил старейшина.

– Значит, кушать нечего? А почему так, Сирикоро? Что до дна не пьёшь? Обижаешь. Так почему утар до весны без огорода не дотянет? Вон сколько рыбы заготовили!

– Зверя меньше стало. Нельзя его бить, иначе не будет зверя.

– А почему? Почему зверя меньше стало?

Торговец безошибочно попадал в самые больные места, и старейшина, медленно хмелея, становился всё более откровенным. Многие вопросы волновали вождя – вопросы, от решения которых зависело существование утара.

– Русские поселенцы в своё время хорошо к нам относились. Я ещё мальчонкой был – приехала к нам молоденькая девушка, учила детей русскому языку, читать и писать учила. Книжек надарила с картинками. Власти лекарствами помогали. Даже браконьеров наказывали. Тут как-то раз перестрелка была айнов с русскими охотниками. Русские власти своих же и наказали.

– Выходит, русские лучше нас, японцев?

Сирикоро пьяно двинул плечом.

– А кто вас разберёт... Наш утар раньше селился в другом месте. Русские для своих каторжан, у которых срок закончился, отмерили огороды прямо на нашей земле. Мы объясняем: мол, это наша земля, куда нам самим теперь деваться? А они – с чего вы взяли, что земля ваша? Российская, мол, земля. Загнали нас на камни со своими огородами. Нам деваться некуда, земли вокруг заняты другими утарами. Плотнo селиться нельзя, иначе зверя не хватит, дикоросов не хватит прокормить всех. Так и пришлось с соседним утаром объединяться, куда же денешься. Всё равно детей меньше стали рожать... Русские лес рубили, пожар наделали, пушного зверя согнали. Ушёл соболев в другие места. А хуже всего – русская водка. Каторжане научили айнов самим её делать. Молодые парни до сих пор спиваются... В лесах бродили какие-то бандиты, приходилось быть начеку. Котан без присмотра не оставишь, надо было отрягать несколько мужчин с ружьями для охраны. А у нас каждая пара рук на счету.

Сирикоро недобро покосился на бутылку с самогоном. Хаттори усмехнулся:

– Мы, японцы, научим вас порядку, которого нет у русских. Приучили ведь вас к чистоте!

– К морю наш утар не пускаете! Теперь в нашем томари¹¹ японская деревня, и нет нам выхода к берегу, где наши предки ловили рыбу. А вот русские власти запрещали своим рыбакам перегораживать сетями наши промыслы.

– Но и налогами обложили вашу рыбку! Наши-то налоги пониже. Всё же мы, японцы – самая продвинутая нация в мире. Что же дочка твоя, ещё не решила стать женой японца?

– Сосватана она, – отвечал Сирикоро непослушным языком.

– А если бы не была сосватана, отдал бы мне её в жены?

– Отдал бы, если бы она захотела.

– Не-е, у нас, японцев, так не принято. Что значит «захотела»? Как отец скажет, так и будет. Эдак дети родителей своих ни во что ставить не будут. Что, не слушается дочка?

– Турешмат – послушная дочь, – возразил Сирикоро. – Летом она станет женой сына вождя другого утара.

Хаттори приблизил лицо вплотную к длинным усам айна.

– Послушай, Сирикоро, что значит сын вождя по сравнению с любым японцем? А я не любой японец, я знатный японец. У меня крупная сеть магазинов здесь, на Карафутто, и круглая сумма в банках Японии и Америки. Тебе что-нибудь говорят слова «сумма в банке»?

– Разумеется, – с презрением проговорил хозяин.

– Так за чем же дело стало? Отдай мне свою дочь, жить будет, как королева. И тебя не забуду, ты же тестем мне станешь. Уважаемым человеком!

– Хаттори-сан, я и так уважаемый человек. А вашего уважения мне не надо. Дочь моя пойдёт за того, кому обещана и кого любит. Всё, хватит.

– Нет, не хватит, Сирикоро. Я не на пустом месте сватаюсь. Выкуп за неё отдам, все ружья, которые взял с собой, все патроны, весь порох.

– Нам хватит того, что мы сегодня наменяли.

– Твоя дочь в соседнем котане будет жить точно так же, как и здесь, трудиться с утра до ночи, красоту свою растеряет и быстро состарится.

– Турешмат будет жить в почёте, как невестка старейшины. Быстро она не состарится, айны живут очень долго.

Как ни уговаривал Хаттори старейшину, сколько бы ни подливал крепкой русской самогонки, Сирикоро отдать дочь не соглашался.

Айнские дети уже смотрели десятый сон, когда Сирикоро уснул, сидя с выпрямленной спиной за столиком. Хаттори подивился, как можно спать, не падая.

– Спасибо за гостеприимство, хозяйка, – поблагодарил он жену старейшины, сонно моргавшую в углу, и поднялся. – Турешмат, пойдём-ка со мной, скажу тебе несколько слов на прощанье.

Турешмат растерянно оглянулась на спящего отца в поисках поддержки, не нашла её, помялась и вышла из дома вслед за гостем.

Тучи разошлись и открыли звёздную громаду неба. На востоке над чёрными сопками зависла выпуклая луна. Под ногами захрустела прихваченная морозцем трава. Хаттори ловко заломил Турешмат руки, зажал рот и поволок к лошади, где ждали люди из команды.

– Заткни ей горло чем-нибудь, – велел он одному из седоков. Помощник спрыгнул с лошади и затолкал в рот айнки какой-то плотный ком.

Хаттори повалил девушку на землю и связал ей руки за спиной. Тело Турешмат бесильно извивалось. Хаттори забросил её поперёк лошадиной спины и вскочил в седло. Группа седоков, поблёскивая под луной стволами винтовок, поскакала прочь.

¹¹ Томари на языке айнов – залив, лагуна.

Мать Турешмат посчитала неприличным, что дочь, тем более сосватанная, так долго беседует с гостем наедине. Вышла из дома – ни дочки, ни гостя. А-а-ай! Кинулась к мужу – не добудиться. И побежала по котану с криками – украли, дочь украли!

Несколько мужчин утара срезали путь и вышли похитителям наперерез. Лошади почуяли в темноте людей, заржали и вздыбились, айны хватали их под уздцы. Японцы наугад хлестали напавших нагайками.

– Верни Турешмат! – потребовал один из айнов.

– Пуля тебе, а не Турешмат, – ответил Хаттори и выстрелил в воздух. Айны продолжали удерживать хрипящих лошадей.

– Верни Турешмат, и можешь убираться отсюда. Больше нам от тебя ничего не надо.

– Брось поводья, цуриканда¹²! – рявкнул Хаттори. – Хвосты кетовые сосать будешь собакам на смех!

Он снова выстрелил. Лошадь под ним утробно хрюкнула и поволокла айна, цеплявшегося за поводья. Хаттори стукнул прикладом по маячившей в темноте голове. Поводья освободились. Турешмат низко завyla сквозь кляп. Кто-то выстрелил. Короткий возглас – и один из напавших рухнул под пляшущие копыта. Айны отступили, растворившись в тёмной тайге. Японцы подхлестнули коней, вслед засвистели стрелы.

– Неприятностей огребут, поганцы, – выругался Хаттори.

Одна из лошадей споткнулась и осела, ездок еле успел выдернуть ногу из стремени. Убедившись, что она мертва, он сел на другого коня позади товарища. «Отравленные стрелы, – догадался торговец. – Они пользуются ядом суруку. Их счастье, что никого не убили».

Лошади уносили похитителей прочь.

Команда Хаттори расселилась на ночь по домам в рыбацкой деревне. Сам он занял лучшее жилище, выгнав хозяев на улицу. Во дворе оставил двоих охранников. В доме он вытащил изо рта Турешмат кляп, развязал руки и больно схватил за волосы.

– Значит, замуж за меня не хочешь? – угрожающе произнёс он.

Турешмат молчала, замерев от страха. Патриархальный уклад утара воспитал в ней подчинение мужчине, но не это парализовало её. Хаттори внешне напоминал ей Шиму – вероятно, только тем, что тоже был японцем, только старше. И гораздо опаснее.

– Раздевайся, – велел он.

– Я другому сосватана, – чуть слышно прошептала Турешмат.

Хаттори ударил её по лицу:

– Дважды повторять? Папаша вконец распустил тебя, паршивая девка!

Турешмат с силой втянула ноздрями воздух, преодолевая боль от пощёчины, и начала раздеваться.

– Быстрее! – приказал Хаттори.

Он взял её безжалостно и грубо, как животное. Турешмат задыхалась и скрипела зубами от невыносимой боли.

Когда японец уснул, она, дрожа, тихонько оделась и выскользнула наружу. Один из охранников сильным тычком в грудь впихнул её обратно:

– Куда торопишься? Мы, конечно, не против, но босс ещё разрешения не дал.

Турешмат забилась в угол.

Ранним утром пришёл отец. Хаттори велел впустить его. Сирикоро, вращая багровыми глазами, отыскал взглядом дочь. Турешмат метнулась к нему, но была отброшена рукой Хаттори.

– Я пришёл за дочерью, – сказал Сирикоро. – Я забираю её домой.

– Ты уверен? – ухмыльнулся торговец.

¹² Цуриканда в айнской мифологии – вредоносное божество в облике медведя-людоеда.

За спиной старейшины предупреждающе шевельнулись охранники.

– Так, как ты поступил, даже каторжане не поступали, – сказал айн, обдав торговца тяжёлой волной перегара. – Отдай то, что тебе не принадлежит.

– Она принадлежит мне. Если ты считаешь по-другому – попробуй, докажи.

Охранники громко захмыкали, чтобы гость не забыл об их присутствии.

– Мы могли бы договориться по-хорошему, – продолжал Хаттори. – Я отдал бы тебе все ружья, которые сюда привез. Мы бы вели бизнес по-родственному. Теперь мне придётся договариваться с другими промысловиками. Кстати, люди из твоего утара преследовали нас и убили лошадь. Ты должен мне за лошадь, Сирикоро.

Старейшина повторил:

– Я забираю дочь.

За спиной Хаттори стояла перепуганная Турешмат. Сирикоро шагнул вперёд с намерением отодвинуть торговца, но охранники схватили вождя за локти.

– Отец! – вскрикнула Турешмат.

Айн вырвался. Его предки были храбрыми, искусными воинами и в открытом бою часто били японцев. Он повалил Хаттори на пол, и тот внезапно увидел прямо перед собой страшную чёрную бороду, злобный оскал и совершенно безумные глаза. Мелькнул айнский охотничий нож. Один из охранников выбил нож ногой. Охранники вдвоём принялись стаскивать айна с торговца. Турешмат с причитаниями полезла в самую гущу, но её отшвырнули. Хаттори, по-змеиному извиваясь, выполз из-под свары, поднялся на ноги и брезгливо отряхнулся. Охранники тем временем вязали айну руки.

– Вор! – с презрением рычал Сирикоро. – Прокрался в мой дом, как паршивый лис, и нагадил, пока темно и никто не видит. В потёмках и собачий помет не пачкает.¹³

– Вон! – приказал Хаттори и движением брови указал на выход. Охранники поволокли айна прочь. Девушка бросилась за ними, но Хаттори подставил ногу, и она упала, воя от бессилия.

Торговцы покинули селенье. Простолюдины и айны долго смотрели им вслед.

Дорога до Тоёхары заняла шесть дней. Ещё десять длился кошмар супружеской жизни. Айнская дочь смирилась со своей участью. Не было никакого торжества, положенного по случаю свадьбы, никто из родственников мужа не пришёл познакомиться с ней.

Хаттори жил в собственном двухэтажном деревянном доме, окружённом садом. Дом казался девушке невероятно огромным. Кроме хозяина, здесь жила прислуга, которую она поначалу приняла за родню, но быстро разобралась, что к чему. В прихожей стоял комод и зеркало в полный рост, пол покрывали новые циновки. На стене, оклеенной зеленоватыми обоями, висели черно-белые картинки, выполненные с необычайным мастерством. Аинка с любопытством их разглядывала: красивые дома с высокими загнутыми крышами, деревья и самого Хаттори с молодой женщиной под зонтиком. Прислуга объяснила, что это не рисунки, а фотографии, но Турешмат не поняла.

На втором этаже находилось несколько комнат. В спальне стояла европейская кровать с деревянными спинками. Турешмат возненавидела её. По утрам она украдкой рассматривала синяки, которых после каждой ночи становилось все больше, а Хаттори ни одной ночи не пропускал. Потом рассматривать перестала. Синяком больше, синяком меньше... Он даже имя у неё отнял, называл Кэи – Почтительная.

Однажды он заявился домой сильно выпивший.

– Ты как меня встречаешь? – с порога напустился он на Турешмат. – На колени!

Девушка послушно опустилась на колени.

¹³ Японская пословица.

– Лбом в землю! Вот так.

Хаттори водрузил ей на спину ногу в канадском зимнем ботинке. Подбоченившись, он полюбовался на себя в зеркало, поправил сбившийся галстук. Потом снял ногу и стал пихать ботинком айнке в лицо:

– Разувай!

Турешмат подняла глаза и спросила смиренно:

– Хаттори-сан, почему ты так плохо со мной обращаешься?

– Как заслужила, так и обращаюсь.

– Хаттори-сан, я стараюсь быть хорошей женой. Я стараюсь тебя любить.

– Стараешься любить? Неплохо сказано, – усмехнулся торговец. – Сроду не слышал ничего подобного.

Турешмат сняла с царственной ноги ботинок и теперь стояла на коленях, прижимая мужнину обувь к груди.

– Разве я плохая жена? – спросила она в тоске.

– Жена? – переспросил Хаттори, весело расхохотался, схватил её за косу и потащил к стене с фотографиями.

– Вот моя жена! – ткнул он пальцем в фотографию женщины под зонтом. – А ты – ничто.

Турешмат вскрикнула от острой боли: Хаттори с силой потянул её за косу вверх. Ещё большее было от сказанных слов.

– Не жена? Я тебе не жена? – переспросила айнка и сделала попытку вырваться. Хаттори отвесил ей пощёчину. Ботинок выпал из рук. Турешмат захлестнули обида и гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.